УДК 32

ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ВИДА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Старостин Алексей Александрович,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления (филиал),
кандидат политических наук, докторант,
г. Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: filosofia@uriu.ranepa.ru

Аннотация
В статье анализируются предпосылки и результаты формирования в постсоветской России национально-государственной идентичности определенного типа. Она пока не вышла на уровень идентичности «гражданской нации» и имеет композитные (составные) формы, сочетая в себе индикаторы государства и «малой родины». Значимыми выступают новые символы, ритуалы, праздники, воспитательная и информационно-пропагандистская работа. В итоге это позволит повысить уровень социальной рефлексии, содержащей позитивные установки и формирование идентичности системного типа.

Ключевые понятия:
идентичность,
ценности,
традиции,
гражданская нация,
«малая родина»,
этнос,
нация,
мы-идентичность.

Радикальные политические преобразования в нашей стране в постсоветский период, крупнейшими из которых стали распад Советского Союза и превращение России в суверенное государство, сопровождавшиеся сменой отношений собственности и разрушением политической системы, имели своим неизбежным следствием трансформацию национально-государственной идентичности, «изменения в своих основах традиционной российской и советской идентичности» [3, с. 143].

Необходимо отметить, что многими представителями науки, политической элиты и средств массовой информации формирование в нашей стране единой национально-гражданской общности воспринимается зачастую как недостижимый идеал, поскольку объективно существует множество факторов, препятствующих достижению такого состояния российского общества и государства, имеющих прежде всего центробежную направленность. К их числу можно отнести в первую очередь нарастание в некоторых регионах страны этнонационалистических настроений, популярность в различных кругах общества великодержавно-шовинистических концепций, а также усиление социально-экономического неравенства населения, ведущего к росту противоречий и отчуждению базовых социальных слоев. Что также является неотъемлемой частью современной российской реальности. В то же время в современном российском обществе постепенно набирают силу и тенденции с другой направленностью, связанные с усилением процессов гражданской интеграции полиэтнического российского общества, постепенным распространением практик употребления понятия «нация» не в традиционном этнокультурном смысле, а именно в значении государственной, гражданской нации, т.е. «политической нации». Данная тенденция, по мнению ряда авторов, находит отражение во все более частых употреблениях в речах российских политиков, средствах массовой информации, повседневном общении граждан таких определений как «российская нация», «граждане России», «мы как нация», «мы – народ России» [1, с. 11].

Идеальным состоянием российского общества и государства, в соответствии с представлениями ведущих отечественных государственных деятелей и, в особенности, Президента Российской Федерации В.В. Путина, является формирование России как уникальной цивилизации, которая соединяет в себя элементы европейской и азиатской культур, а также основывается на мирном

содружестве представителей множества национальностей и религий (в идеале ни одна из них не должна ущемляться и вводиться в стандартизированные культурные и цивилизационные рамки), понимании российского народа как исторического целого и гражданской нации. В настоящее время именно такая формула оптимальна и является «единственно возможной для России», она позитивно воспринимается многочисленными политиками и ведущими учеными страны и, что самое главное, соответствует накопленному мировым сообществом историческому опыту функционирования значительных по территории и сложных по этническому составу населения государств [1, с. 12].

Вместе с тем, очевидно, что реальное состояние современного российского общества и государства, а также представления о них, характерные для различных групп населения страны, могут существенно отличаться от обозначенного идеала, который по методам своего конструирования может быть назван «аскриптивной идентичностью» – предписанной и приписанной властью или частью гражданского общества всему обществу (от ascription – приписывание). Определение основных факторов трансформации российской национально-государственной идентичности необходимо, на наш взгляд, производить не только в русле собственного социального развития, но и в контексте анализа общемировых тенденций развития идентичности, рассмотрения специфики национально-государственной идентичности в современном обществе в условиях глобализации. Применительно к современному обществу принято говорить о распаде традиционной модели идентичности и формировании принципиально других идентификаций, отражающих специфику общественных реалий в условиях глобализационных процессов. Современное общество, с точки зрения видного западного теоретика Зигмунта Баумана, является обществом индивидуализированным, что проявляется, в частности, в разрыве бывших прежде устойчивыми коллективных связей, замкнутости человека на самом себе, безразличии к другому человеку, ослаблении межличностных отношений. Как подчеркивает З. Бауман, мы должны «исходить из абсолютно индивидуализированного мира» [11, с. 361].

Насколько рассматриваемая современная модель идентичности, описанная З. Бауманом, характерна для российского общества? Данные социологических исследований, посвященных анализу формирования российской национально-государственной идентичности, отчасти подтверждают тезисы З. Баумана: результаты опросов, в частности, показывают, что самоидентификация с макрообщностью в постсоветской России распространена гораздо меньше, чем в предшествующий исторический период [8, с. 157]. В сознании современных российских граждан также имеется определенное противоречие: так, несмотря на то, что около половины респондентов при выборе трех основных характеристик для самопредставления за рубежом выделили такую характеристику как «гражданин Российской Федерации», устойчивая внутренняя самоидентификация с россиянами характерна менее чем для трети опрошенных, значительно уступая самоотождествлению с семьей и друзьями. В то же время эмпирические данные, характеризующие современную российскую идентичность, опровергают некоторые положения, сформулированные в работах З. Баумана. В частности, результаты социологических опросов свидетельствуютоб активном поиске россиянами (это особенно характерно для относительно благополучных в материальном плане и образованных российских граждан) новых макроидентичностей, предпринимающихся ими попытках «вписать себя во все более густую сетку социальных ролей». К сожалению, идентичность с россиянами нельзя отнести, как уже указывалось выше, к числу устойчивых «МЫ-самоидентичностей» населения страны [9, с. 135–136].

События последних двух лет, характерные обострением конфронтации между Россией и Западом, вызвали значительный позитивный сдвиг в сторону ценностей патриотизма, как одного из «узлов» российской идентичности. Однако этот сдвиг более заметен для групп людей старше 30 лет. Доля молодых людей, позиционирующихся как «непатриоты» (33 %) почти вдвое превышает аналогичную долю среди людей старше 30 лет (17–18 %) [7, с. 425].

В то же время, оценка исторических периодов России, где было «больше всего согласия и доверия между людьми» показала однозначный приоритет времени СССР против современной России (молодежь до 30 лет 53% против 12 %, старшие возрастные группы 73–81 % против 5–2%) [7, с. 421].

В настоящее время почти половина россиян не чувствует себя гражданами России. Причем одновременно с этим, исследователями отмечается большая роль абстрактных, символических общностей в жизни российских граждан. Так, респонденты, отождествляя себя с такими реальными предметными общностями, как семья и дру-

зья, одновременно идентифицируют себя с людьми, имеющими такие же взгляды на жизнь, а также с представителями определенного поколения или той же профессии (подобные абстрактные, символические общности являются очень важными для современных россиян и имеют для них личностную, эмоционально окрашенную значимость). Интересно, что в отличие от других самоидентификаций самоидентификация с гражданами России имеет тенденцию к падению: данное обстоятельство, как считает Н.Е. Тихонова, заставляет скептически относиться к возможности формирования в нашей стране в ближайшее время так называемой гражданской нации [10].

В отличие от доминирующих идентичностей (с семьей и друзьями), а также ведущих макроидентичностей негражданского характера (с представителями одного поколения или профессии, индивидами, имеющими схожие взгляды на жизнь, а также людьми одной и той же национальности), популярность которых за последние полтора десятилетия практически не изменилась, доля респондентов, которые никогда не идентифицировали себя с россиянами, напротив существенно возросла: с 6% до 22% (наряду с этим, произошло сокращение популярности других общностей, имеющих то или иное отношение к гражданским, территориальным и политическим сообществам) [8, с. 139].

Как показывают результаты многочисленных социологических исследований [2, с. 11], современные россияне испытывают так называемое «чувство общности» практически лишь на «микроуровне», в то время как ощущение «общей судьбы», единой страны, нации, общества как такового присутствует в сознании населения российского общества в гораздо меньшей степени. Отчасти этим и объясняется то обстоятельство, что подобное атомизированное общество оказалось в течение последних лет не готовым ни к активной политической деятельности, ни к защите своих интересов, ни к эффективному социальному протесту, ни к выдвижению новых общенациональных лидеров. Постсоветский период был отмечен процессами индивидуализации жизни россиян, которые проявились как в резком снижении самоидентификации граждан со своей работой и с территориальными образованиями, так и в ослаблении чувства общности со всеми россиянами (косвенным подтверждением этому может служить то обстоятельство, что российские эмигранты, оказавшиеся за пределами своего государственного образования – в ближнем или дальнем зарубежье, не характеризуются сколько-нибудь ярко выраженной склонностью к проявлению культурной или этнической солидарности, характерной для других диаспор).

При этом, с другой стороны отмечается и новая «консервативная» волна, пробивающая себе дорогу снизу, с уровня самоорганизации общества на первичном, атомарном уровне: в ряде регионов (особенно это характерно для некоторых национально-территориальных образований, отдельных крупных городов и областей) в настоящее время начинается консолидация общества на основе этой «консервативной» волны, которая порождает новую когорту легитимных лидеров и структур власти. Современные россияне в большей степени доверяют органам власти в регионе, нежели центральным органам власти (помимо президента В.В. Путина, который в этом ряду стоит особняком). В ряде регионов доверие к своим лидерам достигает 70–80 %, в то время как ни в одной из социально-демографических групп активное доверие к правительству, представительным органам власти не превышает 25 %) [6]. В данном контексте следует акцентировать внимание на том, что российское общество в целом, о чем непротиворечиво свидетельствуют результаты ряда социологических исследований, пока проявляет тенденцию к консолидации лишь на уровне «фасадного» пласта ценностей. Отсюда проистекает и слабость национально-государственной идентичности, которая, будучи сопряженной с институциональным кризисом, создает постоянную угрозу распада общества и государства. Выше мы уже отмечали то, что для распавшегося Советского Союза «чувство принадлежности к большому сообществу» было значительно более сильным, нежели для современной России. Здесь важно и то, что за советским государством стояла историческая традиция Российской империи, активно актуализировавшаяся в послевоенный период существования советской власти, а значительная часть современных российских граждан, проживших значительную часть своей жизни в СССР, до сих пор испытывают «чувство гордости» за принадлежность к этому «великому государству», в то время как в отношении нынешней России это чувство испытывает меньшее число современных россиян.

В российском обществе, как показывают полученные социологами эмпирические данные, не наблюдается роста общероссий-

ской идентичности, а формируется скорее *«анклавный» тип сознания*, характеризующийся восприятием населения страны своего региона как некоего «центра притяжения». При этом отношение к Москве и федеральным органам государственной власти, размещенным преимущественно в столице, становится скорее ревниво-недоброжелательным. Несмотря на то, что результаты тех же социологических исследований свидетельствуют о том, что сама идея «распада России» встречается с открытым «одобрением» сравнительно небольшой частью населения страны (8,4%), в то же время в таких приграничных субъектах Российской Федерации, как Приморский край и Калининградская область, эта цифра, имея все последние годы тенденции к росту, уже достигает почти 30 %. Не может не вызывать тревоги и то обстоятельство, что лишь чуть более четверти респондентов-россиян (28,6%) готовы «открыто протестовать против выхода своего региона из состава России»: такое соотношение «за» и «против» фактически открывает перед региональными властями перспективы самим решать данный вопрос в зависимости от складывающейся конъюнктуры [4].

Мониторинг общественного мнения, осуществленный ВЦИОМ, показывает, что в ассоциативном ряду, связанном с понятием своей страны и народа, на первой позиции находится так называемая «малая родина», тогда как «государство» отмечается почти вдвое реже. Данное обстоятельство не является случайностью, а выглядит скорее закономерностью, поскольку уже давно доказано, что в переходные или кризисные периоды развития общества на первый план для каждого отдельного индивида выходят его семья и ближний круг людей, призванные обеспечить данному индивиду защиту от всевозможных жизненных неурядиц, «сосредоточивая в себе всю полноту и многогранность его идентичности». Что же касается государства со всеми его атрибутами, то оно в данной ситуации, напротив, перемещается на периферию идентификационной матрицы. В свою очередь такие связанные с государством представления, как патриотический долг могут рассматриваться не в контексте каких-то обязанностей перед государством, т.е. как долг перед страной, а скорее как долг перед собственной семьей и близкими людьми (это подтверждается и эмпирическими данными, в соответствии с которыми именно поддержка собственной семьи, а также родных и близких в настоящее время рассматривается российскими гражданами как их главный долг перед Родиной) [4].

Значимым компонентом национально-государственной идентичности являются ее символические основания: общепризнанным в настоящее время является то обстоятельство, что успешность профессиональной деятельности государственных управленцев зависела в прошлом и продолжает зависеть в настоящем от того, насколько удачно сформулированы те концепты, мифы и метафоры, которые отражают символический смысл данного государства, а также от того, насколько глубоко и полно эти концепты воспринимаются гражданами. Так называемые политические символы служат самопрезентации идеологических и ценностных установок политических лидеров; роль таких символических форм могут играть исторические термины, церемонии, знаки различия и формальности: данные формы могут быть как унаследованы, так и изобретены, однако самым главным здесь является то, что они должны быть доступны пониманию большинства населения данного общества и приниматься этим большинством в качестве официальных символов. В построении символического базиса постсоветской России можно наблюдать определенную преемственность, поскольку ряд значимых современных политических символов восходят частично к советскому периоду отечественной истории, а частично – к дореволюционной, имперской эпохе.

Особенно это касается так называемой государственной символики, к которой относятся прежде всего государственные герб, флаг и гимн. Рассматриваемая линия на преемственность символических оснований российской национально-государственной идентичности выражена, к примеру, в Государственном гербе, в пояснении к описанию которого сказано, что «сегодняшний герб России – это новый герб, но его составные части глубоко традиционны; он и отражает разные этапы отечественной истории, и продолжает их в преддверии третьего тысячелетия… Восстановление двуглавого орла как Государственного герба России олицетворяет неразрывность и преемственность отечественной истории». В целом в рамках российской государственной символики можно наблюдать эксплуатацию так называемой патриотической компоненты, а также военного героизма и великого прошлого России, что также, наряду с гербом, характерно для гимна, повторяющего мелодию Гимна Советского Союза, и флага (бело-сине-красный триколор), ко-

торый был учрежден при Петре I как флаг торгового флота и легитимирован в ходе августовских событий 1991 г. Отметим, что рассматриваемая символика была не сразу положительно воспринята россиянами, однако в настоящее время государственные символы стали и узнаваемыми, и признаваемыми со стороны большинства граждан.

Наряду с государственными символами важное значение для конструирования национально-государственной идентичности также имеют государственные праздники. И если в случае с государственными гербом, флагом и гимном наблюдается явная положительная динамика в том, что касается их узнавания и восприятия, то в случае с государственными праздниками ситуация выглядит более противоречивой. Дело в том, что представители новой постсоветской элиты первоначально решили здесь практически полностью отказаться от советских традиций, отменив советские праздники, награды, часть памятников деятелям советской эпохи, а также другую атрибутику, которая так или иначе напоминала о советском прошлом. Появился новый праздник, названный Днем согласия и примирения, который фактически заменил День Октябрьской революции, советский праздник 1 Мая (День международной солидарности трудящихся) стал отмечаться как День весны и труда, официальный статус был возвращен православному празднику Рождества.

В то же время ошибкой нового российского руководства являлось то, что, «переименовав» старые праздники и учредив новые, оно не позаботилось о том, чтобы снабдить их подходящей и понятной для обычного среднестатистического гражданина легендой. В результате абсолютное большинство россиян (77%) не знают, к примеру, по какой причине основной государственный праздник, День России, отмечается в нашей стране именно 12 июня, а не в какой-нибудь другой день. Помимо этого, почти половина респондентов (49%), как показывают данные ВЦИОМ, вообще не знают названия этого праздника и путают его с Днем Конституции, Днем города, Днем единства и со старым названием праздника – День независимости России.

Только один праздник, унаследованный с советских времен, День Победы, воспринимается большинством населения современного российского общества и как личное, и как государственное торжество, однако данный праздник, как справедливо отмечает А.Г. Санина, имеет для россиян не только и не столько символическое, сколько когнитивно-эмоциональное значение [6, с. 62].

Необходимо отметить, что в современные российские политические элиты, в отличие от представителей правящей элиты 1990-х годов, проявляют явное стремление возродить некоторые атрибуты советского прошлого, например звание Героя труда и т.д., что воспринимается большинством населения вполне положительно.

Восприятие государственной символики и другой атрибутики является, безусловно, важным компонентом национально-государственной идентичности населения страны, однако оно не исчерпывает полностью ее содержание. Важнейшей составляющей национально-государственной идентичности, ее ценностно-эмоционального компонента, является чувство гордости или стыда, вызванное национально-государственным сообществом и самим фактом принадлежности к нему, проявленным к нему отношением, принятием данного факта как значимого в жизни человека. Речь здесь идет о таком часто употребляемом понятии как «патриотизм», являющимся базовым идентифицирующим механизмом и отражающим чувство приверженности определенному национально-государственному сообществу, признание его значимой ценностью.

Не вызывает сомнений то, что отождествление с определенным государством как формой или основой политико-территориального, а также гражданско-политического оформления нации, т.е. то, что мы называем национально-государственной идентичностью, не может сформироваться без понимания гражданами исторической общности территории национального государства, его законов и общенациональных политических институтов в комплексе с высоким уровнем доверия данным институтам, позитивным к ним отношением, общности гражданства, а также желания и согласия быть частью этого государства, наличия коллективного самосознания граждан как членов национально-государственного сообщества.

1. Горшков, М.К. Российская идентичность в контексте западноевропейской культуры [Текст] / М.К. Горшков //Власть. 2013. № 1. 192 с.

2. Молодежь в полиэтничных регионах Северо-Кавказского федерального округа [Текст] /Экспертный доклад. Пятигорск, 2014. 101 с.

3. Перегудов, С.П. Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства[Текст] /С.П. Перегудов // Политические исследования. 2011. № 3. 192 с.

4. Пресс-выпуск Левада-Центра от 16.03.2010[Электронный ресурс]. URL:hhtp://www.levada.ru./press/2010031602.html. 7 с. (дата обращения: 29.10.2015).
5. Проблемы национальной безопасности: региональный уровень[Текст] / Информационно-аналитические материалы «круглого стола» с международным участием.Ростов н/Д, 2015. 272 с.
6. Санина, А.Г. Формирование российской идентичности: гражданско-государственный подход [Текст] /А.Г. Санина //Социологические исследования. 2012. № 12. 154 с.
7. Семенов, В.Е. Современная Россия в контексте концепции российской полиментальности. Историзм и современное состояние российского менталитета[Текст] /В.Е. Семенов.М., 2015. 492 с.
8. Старостин, А.А. Национально-государственная идентичность как системообразующий механизм сильного государства в контексте современных российских реалий: Монография [Текст] / А.А. Старостин. Ростов н/Д.: Донское книжное издательство, 2013. 272 с.
9. Старостин, А.А. Трансформация политической идентичности населения современной России: Монография[Текст] /А.А. Старостин. Ростов н/Д., 2010. 132 с.
10. Тихонова, Н.Е. Становление новой российской идентичности: опыт эмпирического анализа. Идентичность как предмет политического анализа[Текст] /Н.Е. Тихонова. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.) / отв. редактор И.С. Семененко. М., 2011. 299 с.
11. Bauman,Z. UnbehageninderPostmoderne [Текст] / Z. Bauman. Hamburg. 1999. 39 с.

References

1. Gorshkov M.K. (2013) *Power*, no. 1, 192 p. [in Rus].
2. Youth in multi-ethnic regions of the North Caucasus Federal district [Text] / Expert report. Pyatigorsk, 2014, 101 p. [in Rus].
3. Peregudov S.P. (2011) *Political studies*, no. 3, 192 p. [in Rus].
4. Press release of Levada Center from 16.03.2010,available at: hhtp://www.levada.ru./press/2010031602.html. 7 p. (accessed 29.10.2015) [in Rus].
5. Problems of national security: regional level / Information and analytical materials of the Round table with international participation. Rostov n/D, 2015 272 p. [in Rus].
6. Sanina A.G. (2012) *Sociological research*, no. 12, 154 p. [in Rus].
7. Semenov V.E. (2015) Modern Russia in the context of the Russian multi-mentality concept. Historicism and modern state of Russian mentality. Moscow, 492 p. [in Rus].
8. Starostin A.A. (2013) National-state identity, as a core mechanism of a strong state in the context of contemporary Russian realities. Rostov onDon, don publishing house, 272 p. [in Rus].
9. Starostin A.A. (2010) Transformation of political identity of the population of contemporary Russia. Rostov on Don, 132 p. [in Rus].
10. Tikhonov N.E. (2011) The establishment of the new Russian identity: the case of empirical analysis. Identity as a matter of political analysis. A collection of articles on the results of the all-Russian scientific-theoretical conference (IMEMO, 21–22 October 2010). Moscow, 299 p. [in Rus].
11. Bauman Z. (1999) Unbehagen in der Postmoderne. Hamburg, 39 p. [in Eng].

UDC 32

THE MAIN VECTORS OF DEVELOPING NATIONAL IDENTITY AS A KIND OF SOCIAL AND POLITICAL REFLECTION

Starostin Alexey Aleksandrovich,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
South-Russian Institute of Management (branch),
Cand. Sc. (Politology), Candidate for a Doctor's Degree,
Rostov-on-Don, Russia.
E-mail: filosofia@uriu.ranepa.ru

Annotation
The article analyzes the background and the results of forming national identity of a certain type in post-Soviet Russia. It has not come to the level a civil nation identity and has composite forms combining indicators of a state and a "small motherland". New symbols, rituals, holidays, educational and outreach efforts are essential. As a result it will help raise the level of social reflection containing positive directives and formation of identity of a systemic type.

Key concepts:
identity,
values,
traditions,
civil nation,
small motherland,
ethnic group,
nation,
we-identity.